

ШЕЛ творческий вечер в телестудии Останкино режиссера Сергея Колосова. Пришла записи из зала, почему в своих фильмах он снимает жену — актрису Людмилу Касаткину. Колосов стал отвечать...

Касаткина смотрела на сцену, на мужа глазами, полными слез.

В ДОМЕ у московских знакомых подолгу жила Ахматова.

Тут бывала и Люда Касаткина. Когда обедали, звали Ахматову.

Ахматова в байковом халате, с накиннутым на плечи платком, сидела за столом тихо, не поднимая глаз, глядя на невидимую на столе точку. Люда Касаткина была юной и смешливой.

Ахматова смешишь умела. Люда смеялась до слез, забывая про накрашенные ресницы.

Однажды Ахматова обнаружила, что Люды нет за столом: «А где эта девочка, которая плачет черными слезами?»

Кто из зрителей поверит, что актерство — это жизнь, съедающая нервы? Эти мысли ей пришли после того обидного случая поздним вечером на проспекте Калинина. Они гуляли с мужем. Плутали темными ночными переулками и вдруг вышли на проспект.

Проспект не спал. Возле кинофашин услышали шепот:

— Смотри: Касаткина!

— Да нет, у той живое лицо...

— Да Касаткина... Только как спилась!

Лица — ее прежнего жизнерадостного лица — в этот час на ней действительно не было.

Всю дорогу домой она тихо плакала. А муж повторял, что не надо обращать внимания; ведь эти люди не имеют ни малейшего представления, что такое их работа.

СЕРГЕЙ Колосов на телевидение попал из театра. Весной 52-го года театр Советской Армии ставил его пьесу «Наследники». Пьеса была о том, как

«Вам дают деньги, — сказал тогдашний председатель Гостелерадио, — не для того, чтобы их тратить на фильм о какой-то монашке».

В газете «Одесский листок» сохранилось письмо денкинкам в защиту Кузьминой-Караваевой, осужденной за участие в управлении Анапы при большевиках, подписанное Максимиланом Волошиным, Алексеем Толстым, Верой Инбер... «Пришло известие, что в Екатеринодаре предана военно-полевому суду Елисавета Юрьевна Кузьмина-Караваева по обвинению в большевизме и ей грозит смертная казнь. Нельзя прочесть этого известия без тревоги. Кузьмина-Караваева — поэт, мыслитель, философ... Невозможно подумать, что даже в пылу гражданской войны сторона государственного порядка способна решиться на истребление русских духовных ценностей, особенно такого веса и подлинности, как Кузьмина-Караваева».

Решено: фильм снимать во что бы то ни стало.

Когда Сергей Колосов учился в школе, арбатские переулочки еще не были расцелены бетонной громадиной проспекта.

выпуклые черты («Все пересмотрено. Былому мой поклон. О, колокол, какой тревожный звон...»).

Фильм так и решили снимать — через ее парижские дни, последние — высветивая воспоминаниями прошлое. Прежний замысел, рассчитанный на телесериал, стали втискивать в отвденный кинолентный метраж (ТВ уступило фильм кинематографистам).

Вырисовывался лишь внешний схематичный рисунок огромной жизни.

ИМЕННО здесь, в Париже, Мать Мария устроила общение и столовую для обездоленных русских, отыскивая их по больницам, психиатрическим лечебницам.

С началом второй мировой войны она собралась в Россию. Пешком. («Я не боюсь за Россию. Я знаю, что она победит... будет русский период истории... России предстоит великое будущее, но какой океан крови!»).

Ее схватили фашисты, бросили в концлагерь.

В газовую камеру (по легенде) она пошла добровольно, вместо другой русской женщины, бросая милосердием вызов злу. Легко. До конца осуществляя взятую на себя миссию духовного горения. Переступая порог камеры, она знала «маленькую тайну, что ад уже был» на земле. («Я есмь! В тысяче мук — я есмь, в пытке корчусь — но есмь!»).

...Накануне съемок у Людмилы Касаткиной умирал отец. Спасти его уже было нельзя. Можно было только смириться.

Касаткина надела черный обруч на голову. Воспаленная, измученная вошла в роль с первого кадра без нажима и усилий.

Но образ выходил внешний. КАСАТКИНА напряженно вспоминала встречи с Ахматовой, надеясь отсюда подобрать ключ к духовной вселенной Матери Марии. Ведь они могли встречаться на Башне Вячеслава Иванова, где собирался литературный цвет столицы, где цитировали наизусть греков, французов, считали скандинавскую литературу своей, ощущая себя одновременно и гражданами Вселенной от лица родной культуры, и хранителями культурного музея человечества.

...Анна Андреевна вспоминалась молчаливой.

Рядом с ней видела себя. Смешливую девочку, так и не постигшую тогда этих судьбинных встреч-подарков. Так ясно теперь осознавая, что не готова была брать в будущую жизнь то, что могло перелиться, как к когда-то пришедшей к Блоку юной Лизе Кузьминой-Караваевой — из души в душу.

У судьбы есть глаза. Она сводит людей и разводит. Она задает вопросы и требует ответов.

Ответы не всегда в словах. После фильма Мать Мария была посмертно награждена орденом Отечественной войны II степени.

Всякое благородное дело облагораживает и человека, его совершившего. Открыв для себя личность Матери Марии, Колосов знал, о чем будет его следующий фильм по Брехту. Касаткина чувствовала экранный образ брехтовской мамы Кураж, этот полуслозла.

...И когда Колосов, ответив на вопрос, почему он в своих фильмах снимает жену, низко ей поклонился, в этом поклоне было больше, чем признательность.

...Когда-то Касаткина ходила в танцевальную студию. Она думала: пластика — язык, которым можно выразить все, все. Занимаясь в студии художественного слова, поняла: слово может ранить, убить, вдохновить. Теперь с высоты прожитых лет и строк стихов Матери Марии («Как скупы в этом мире измерения. Лишь три. Куда же ветер крыльев деть?») поняла: есть нечто большее, чем жест или слово. Есть то, что живет и горит внутри — живая, единственная связь, Любовь.

Ибо только влюбленный, учил Блок, имеет право на звание человека.

Если, прочитав заметки, вы спросите: о чем они? Ответчу.

О встречах, что поражают на всю жизнь. От которых — на всю жизнь — свет остается и имя.

Если, прочитав и задумавшись, спросите: ради чего?

...Ради того, чтобы задуматься.

Ведь и мы «плакаты»?

Т. ХОРОШИЛОВА.

«КУДА ЖЕ ВЕТЕР КРЫЛЬЕВ ДЕТЬ?»

На память об Ахматовой у Касаткиной остался портрет: Анна Андреевна влоботорота, блистательная красавица с обнаженной шеей, угольным бархатом грустных глаз.

Встречи с Ахматовой происходили после войны.

...ПОСЛЕ войны двор ГИТИСа был утыкан неоперившимися саженцами. В сумерках разгоралась вечерняя жизнь института, и внутренность его пылала в распахнутых окнах. В институтском дворе только что вернувшийся с фронта Колосов увидел невысокую восторженную девушку. Ее улыбка слепила.

Время было такое, что в душах разжижались какие-то дружные, люди становились добрее, мягче. Этих качеств в ней было в избытке. К ней тянулись.

Когда ЦК ВЛКСМ поручил Колосову составить бригаду для поездки с концертами по городам, пострадавшим от войны, в списке он, конечно, включил студентку Касаткину. Сдружились.

Касаткина институт заканчивала. Нужно было показываться в каком-нибудь театре. Колосов сказал: «Иди в театр Советской Армии».

— Ты хочешь, чтобы я на такой огромной сцене потерялась?

— Не потеряешься, у тебя сила внутри.

ОНА СТАЛА постигать жизнь театра, главным режиссером которого был Алексей Дмитриевич Попов, человек, чуждый сентиментам. Касаткина «сорвала» первый успех. На обсуждении Попов подробно говорил о каждом актере. Только о Касаткиной — ни слова. Ему напомнили про нее. Попов потер лоб:

«Что ж, Касаткина сама чувствует, как ее принимают. Ведь как быстро поняла, что надо публике! Дает поплакать, где надо. Знает, когда смешишь».

Щеки у Касаткиной пылали, как будто ей надавали пощечин. Попов, требуя жизни героев на сцене проживать, а не проигрывать, терпеть не мог искусство «холодной сновородни». Каждый жест, слово, шаг надо пропустить через себя и окрасить своими красками.

Может, у Касаткиной просто не было еще своих красок?

ПОЗЖЕ, много позже пришлось понимание невыдуманной перед зрителем жизни. Однажды, во время съемок фильма «Помни имя свое», когда по сценарию у ее героини в концлагере должны отобрать сына, Касаткина попросила съемочную группу оставить ее в лагере на ночь (съемки были натурные). Одну. До утра не спала, лежала на нарах пустого барака, думая о том, каким будет завтрашний день, когда у ее героини отберут ребенка, отправят неизвестно куда.

Вспомнилось, когда ее выписали из роддома, она прибежала в театр, чтобы сообщить всем, что со сценой навсегда покончено: в ней победила мать!

В театр ее вернули: между репетициями она ездила на такси кормить Алешу.

...И теперь, ночью, в пустом бараке, с так и невыветрившимися запахами она представляла, как это могло произойти с ней и... ее сыном...

И не могла представить.

отличное боролось с хорошим. В антракте к нему подошли незнакомые люди, представились: «Мы — с телевидения!»

— А что это такое?

Долго объясняли ему, коренному москвичу, где находится телестудия. А она размещалась на Шаболовке, в одной комнате. Когда там появился Колосов, в деревянной конурке сидел директор студии и по телефону разговаривал с министром культуры, перечисляя, какие кадры войдут в хронику: «Такое-то приветствие товарищу Сталину... Такое-то приветствие товарищу Сталину...»

Начались съемки его спектакля. По тексту пьесы шел разговор о море... И тут режиссер сказал: «Пустите пленку с морем». И, обращаясь к Колосову: «Теперь ты понял, что такое телевидение!»

Действие следующего колосовского спектакля проходило — по Филдингу — на реке Темзе. Но Колосов знал уже, что такое телевидение. И точно: в нужный момент режиссер сказал: «Давайте Темзу».

На телевидении началось время документального взрыва. В эфир шли прямые репортажи. Боровин принес заявку на фильм о Кубе.

— А как вы представляете съемки? — неуверенно поинтересовался Колосов.

— Как снимать Кубу в Москве, — отрезал Боровин, — это ваше дело.

...Колосов пробил дорогу в киноархив.

Работа с киноархивом запомнилась. Но он был режиссером игрового кино. А что, если все это соединить?

Жизнь его самым известным фильмам дал документ.

Колосовские фильмы лишены кинематографических изысков, лакировки и глянца. Они не поражают обладателей утонченного вкуса художественностью вымысла, но не могли не задеть за живое.

Фильм «Операция «Трест» о советской контрразведке после революции снимался в середине 60-х годов. На экране в то время мелькало невероятное количество детективов. Колосов задумал фильм не «про шпионов», а про старых чекистов, создавая свой кинематографический музей людей революции, восстанавливая настоящие фамилии чекистов...

Это было время, когда выдуманным сюжетам и героям было жить легче. И когда колосовской героине Ане Морозовой (фильм «Вызываем огонь на себя») присвоили (посмертно) звание Героя Советского Союза, Колосов тут бы мог спросить у Юлиана Семёнова, почему его героям награды не дают.

Архивы по операции «Трест» были объемны. Изучая их, Колосов просмотрел километры пленок о русской эмиграции. Богатство материала потрясло.

В это время в руки Касаткиной попадает пьеса о Матери Марии, отвергнутая театром; Колосов, прочитав ее, задумывает многосерийный фильм о Матери Марии (Е. Ю. Кузьминой-Караваевой).

Но телесериал оказался не нужен руководству.

Арбатский дух — старой интеллигенции — витал в воздухе.

Потом — время было, как удуще.

Детство сменила фронтовая юность. Лепить себя было некогда. Время валяло целые поколения, обжигая военным пламенем. И теперь, уже седующим мужчиной, зная цену и смерти, и жизни, и комфорту в ней, вдруг остро почувствовал отсутствие большой человеческой личности, которая бы поднимала до себя, до бытия над бытом и мелким устройством дел. Над стереотипом жизни.

Такие люди в России были.

Они должны вернуться в жизнь, чтобы освещать жизнь.

...НА ЛИТЕРАТУРНОМ вечере какого-то захудалого реального училища читали стихи поэты-декаденты. Один высокий, лицо не современное, но красивое и неподвижное, читает: «По вечерам над ресторанами...»

Человек с таким далеким, безразлично-красивым лицом... Блок!

Лиза Кузьмина-Караваева узнает его адрес: Галерная, 41.

Блок не спрашивает, зачем она пришла. Долго говорят в синих сумерках комнаты.

Через неделю она получила большой конверт, в котором — щедрый, крупным, твердым почерком: «Когда вы стоите на моем пути, такая живая, такая красивая...»

Потом еще: «Если не поздно, то бегите от нас, умирающих».

Судьба Кузьминой-Караваевой, оказавшейся на отплывающем из Новороссийска теплоходе вместе со спасшим ее от денкинского суда белогабардским офицером Д. Снеговским, будущим ее мужем, принявшей в эмиграции постиг, но оставшейся монашкой в миру, в войну ставшей участницей французского Сопротивления, скрывала тайну.

Прикоснувшись к тайне, становишься ее мучеником. Три года, чем бы Колосов ни занимался — поверх всех дел и фильмов, — память держала имя Матери Марии.

Но в библиотеке имени Ленина сведения о Кузьминой-Караваевой помещались... в рукописной папке Блока. Из опубликованного — ее воспоминания в ученых записках Тартуского университета. Еще были живы люди, помнящие ее. Колосов стал их разыскивать. И все-таки сведений было мало.

...И ТОГДА удалось вырваться в Париж!

Именно здесь открывался трагизм прибывающих толп русских. Одичавших. Растрепанных. Толкавшихся на парижских улицах, как на узловой станции. Смаживающих на сумасшедших, бросающихся в магазины и закулачивающих спички, соль, крупы... Отличающиеся особой походкой людей, идущих без цели.

Где-то далеко остались Россия, Блок, детство, обретая